

ДУХОВЕНСТВО И КРИЗИС: КОГДА ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СИЛ НЕДОСТАТОЧНО

С. МЬЮЗ*

*Вся жизнь – это встреча.
Martin Buber*

*Внутренний человек
сокрыт со Христом в Боге.
Апостол Павел*

Основываясь на более чем десятилетнем опыте клинической работы со священниками и ряде исследований, обзор которых представлен в тексте, автор предлагает свой взгляд на так называемый «синдром выгорания» у духовенства, а также подход к решению этой проблемы, в котором основное внимание уделяется конфликту между призванием ко служению и потребностью в самоутверждении. Автор рассматривает структуру психотерапевтического вмешательства и предлагает две эвристические модели, призванные способствовать интеграции сфер клинической диагностики и духовного различения.

Китайский иероглиф, изображающий понятие «кризис», содержит в себе одновременно два альтернативных значения: и опасности, и новой возможности. Конфликт и борьба в служении неминуемы, но не должно быть того, что называется «выгоранием». Иисус терпел борьбу и конфликт, чтобы через это принести искупление, и предрекал подобные испытания всем, кто последует по его пути. Без конфликта нет роста и развития. Но у многих лиц из числа духовенства конфликтом проявляет себя попытка преуспеть в служении за счет одних лишь человеческих сил, усу-

* *Стефен Мьюз* (Stephen Muse) – доктор философии, кандидат богословия, руководитель тренинговых программ по пастырскому консультированию в Пастырском Институте в г. Колумбус, штат Джорджия, преподаватель государственного университета г. Колумбус, практикующий психотерапевт.

губляемая бессознательными стремлениями утвердить свое «я» в этом процессе, в результате чего возникает угроза и для служения, и для «я». Именно этот процесс, если он вовремя не вскрыт, приводит к «выгоранию». Найти верный путь, чтобы преодолеть конфликт, вместо того чтобы избегать его или же растворяться в нем, теряя при этом достоинство своего служения, – вот один из ключевых вопросов, стоящих сегодня перед священством, и центральный – для неложного отклика на призыв Евангелия.

Эпидемия ухода с пастырского служения

Исследования показывают, что в протестантских евангелических церквях ежемесячно более 1500 пасторов складывают с себя свои полномочия. Половина из них покидает место, прослужив не более пяти лет (Foss, 2000). Хотя причины здесь приводятся разные, в центре всегда стоит тот или иной конфликт, ведущий к тому, что пастырь ставит действительность своего призвания к служению под сомнение, и наносящий тяжелый урон его чувству собственного достоинства, а также благополучию его семьи.

Конфликты, подталкивающие священство бросать служение, включают в себя: отсутствие поддержки со стороны официальных лиц и/или противоречия с ними (26%); конфликт противоборствующих потребностей, ведущий к «выгоранию» (12%); конфликт между требованиями, которые предъявляются пастырю служением в церкви и нуждами семьи и детей (11%); конфликт с членами церкви (9%); конфликт со старшими священниками (8%) и конфликт среди церковного персонала (Hoge, Wenger, 2005).

Термин «синдром выгорания» был впервые использован в начале 70-х годов психоаналитиком Гербертом Фреденбергером (Kraft, 2006, p.29-33; W.Tomic, D.Tomic, Evers, 2004, p.225-247; Figley, 1995; Van der Kolk, McFarlane, Weisaeth, 1996) в отношении набора симптомов, указывающих на умственное и физическое истощение, основной причиной которого является хроническое переутомление. Знаменательно, что это случается в основном с людьми чрезвычайно деятельными и высоко компетентными, склонными нарастающим образом отождествлять свою жизнь и собственную ценность с работой, вплоть до полного пренебрежения законными человеческими потребностями в отдыхе, личной жизни, игре. Они становятся все более и более опустошенными и циничными, теряют радость и удовлетворение даже от самой работы и начинают сомневаться в собственной ценности, при этом, в качестве компенсации, пытаются работать еще большее время.

Исследование, проведенное Пастырским Институтом в сотрудничестве с государственным университетом Флориды (427 семей духовенства), обнаружило, что благополучие и долгожительство духовенства в приходском служении связано в первую очередь с тем, что можно рассматривать как два основных ресурса устойчивости человека на этом поприще. Священники, как наиболее значимое, признали качество духовных ресурсов, в то время как их супруги главным фактором, прогнозирующим благополучие, назвали качество семейной жизни (*Darling, Hill, 2000*). Данное несоответствие особенно знаменательно, так как 94% священников признались в чувстве, что их обязывают иметь «идеальную» семью, в то время как 80% отметили, что их служение в действительности оказывает негативное влияние на их семьи (*Rabey, 1993*).

Крупномасштабное исследование духовенства (324 000 респондентов) из 6 900 конгрегаций Австралии, как протестантских, так и католической деноминаций, выявило значительный уровень «выгорания» в этой среде (*Kaldor, Bullpitt, 2001*). 19% священников, по результатам данного исследования, оказались строго в зоне синдрома «выгорания», 56% признали себя находящимися «на границе» этого состояния. Лишь в пятой доле случаев (21%) обследуемые показали, что проблема «выгорания» их не затрагивает. Анализ полученных данных обнаружил, что подверженность «выгоранию» значимо связана с тремя переменными: личностными особенностями; средой, окружающей приход; и стилем лидерства. Среди ценностей, предохраняющих духовенство от выгорания, были выделены качество брака и семейной жизни, физическое здоровье, дружеские отношения, предотвращающие социальную изоляцию, сильное чувство призвания к пастырскому служению, а также относительная свобода от финансовых затруднений.

Если говорить о внешней среде прихода, то факторы, предохраняющие от «выгорания», включали в себя способность священника видеть что-то хорошее в современной жизни, работая сообща с конгрегациями, которые ценят активное участие в жизни всего общества. Наиболее обособленные, замкнутые в себе приходы, опасаящиеся внешних контактов с обществом, являют собой точное соответствие самому священнику, который внутренне расщеплен, яростно нападая на «порочный» мир и в то же время отождествляя самого себя исключительно с «благими» аспектами сознательного эго. И для священника, и для прихода возрастает вероятность того, что загнанные в подвал, отрицаемые части собственной личности будут проецироваться на внешний мир и других людей. Служение в маленьких церквях, по сравнению с большими, признавалось более

стрессогенным, чаще всего из-за забот, связанных с их жизнеспособностью. Священники из церквей, где у членов прихода заметно возрастание в вере, были менее склонны к «выгоранию».

Анализ стиля лидерства у духовенства показал, что священники, которые вдохновляют своих прихожан на те или иные дела и делегируют им определенные полномочия, менее склонны к «выгоранию», чем те, кто страдает известным синдромом, который Паркер Палмер прозорливо определил как *функциональный атеизм*. Суть этого феномена он описал в таких словах: «бессознательное, ничем не обоснованное убеждение, что если где-то намечается что-либо приличное, то мы, и никто другой, должны явиться причиной того, что это произойдет, – убеждение, которому следуют даже те люди, кто умеет хорошо говорить о Боге» (Palmer, 2000, p.88). Такое нерасположение или неспособность к тому, чтобы в определенных случаях делегировать власть и передавать полномочия мирянам, – своего рода синдром, отсылающий нас к детству этих священников, где их детские нужды не встречали ответа. По прошествии лет эти нужды вновь дают о себе знать, но теперь уже в форме бессознательной позы в «приходской семье». Ставшее священнослужителем дитя стремится удержать зыбкое равновесие в качестве «любимого ребенка», теряя и радость, и пророческую чистоту священнического служения ради того, чтобы соответствовать требованиям каждого, будь эти требования законны или нет, и, не доверяя другим, все и всегда «делать самому» (Muse, 2000, с.253-262). Те же из священников, кто гибок и не нуждается в том, чтобы прихожане «воздвигали их на пьедестал», – более долговечны в своем служении, как и те, впрочем, кто обладает элементами «клинической грамотности», умея отличать страдание от психического расстройства, которое, в среднем, встречается у каждого десятого прихожанина (Chase, 2000, с.129-144). Одно исследование, проведенное среди православных священников (49 респондентов), обнаружило выраженную зависимость между уровнем «выгорания», переутомлением и эмоциональной изоляцией. Пятая часть служителей (20%) в этом исследовании показали высокую степень «сгорания», выразившегося в эмоциональном истощении, деперсонализации, отсутствии ощущения каких-либо достижений. Почти столько же (18%) испытывали симптомы умеренной степени. 50% из этих священников показали, что они постоянно работают по 50-99 часов в неделю. 15% сообщили, что находятся в изоляции, и у них нет никого, с кем бы они могли поделиться своими переживаниями. Особенно важным явилось открытие, что священники, у которых есть духовник или наставник,

представляют собой абсолютное исключение из общего правила, предусмотренного условиями защиты от «выгорания» и удовлетворения в служении (*Capariso, 1999*).

Эти тенденции еще более настораживают в свете исследований, проведенных среди населения в целом, которые убеждают, что смертность среди людей, находящихся в эмоциональной изоляции (как от сердечно-сосудистых заболеваний, так и вследствие других расстройств), – вдвое-втрое превышает уровень, характерный для тех индивидов, которые сохраняют эмоциональную связь с другими (*Ornish, 1990, с.89*). Следует отметить, что эти цифры независимы от других факторов риска сердечных заболеваний, таких как повышенный уровень холестерина, кровяное давление, генетическая предрасположенность и т.п. (*там же, с.90*). Отсутствие эмоционально доверительных отношений является стрессогенным фактором и влечет за собой хронические нарушения здоровья вследствие постоянного стресса сердечной и иммунной систем (*там же, с.91*). Священники, хотя и окруженные массой людей в социальном плане, часто находятся в крайней изоляции в том, что касается их эмоциональной жизни. 70% священников, опрошенных на одной встрече (30 респондентов), отметили, что у них нет ни единого близкого друга (*Muse, Chase, 1993, p.146*).

Рассматривая важность отношений с духовником как первостепенную, мы не должны недооценивать и второе по значимости благо – благо эмоционального сопереживания и понимания в человеческих отношениях. Исследования убеждают, что программы охраны здоровья духовенства нуждаются в существенно большем внимании. Кроме того, необходимо включать в программу кризисной интервенции доскональную оценку физического здоровья и благополучия священников с дальнейшим отслеживанием состояния этих факторов.

История программы и типология интервенций

В целом результаты приведенных исследований подтверждают тенденции, которые были обнаружены в процессе работы с сотнями священников в рамках национальной программы «Clergy in crisis» («Духовенство в состоянии кризиса»), осуществляемой D.A. and Elizabeth Turner Ministry Resource Center. Священнослужители приезжают в Колумбус, штат Джорджия, где проводят неделю в интенсивном диалоге с командой пастырских психотерапевтов, а также в чтении рекомендованной литературы в перерывах между сессиями, имея в то же время достаточно много времени для отдыха и восстановления сил. Участники живут в спокой-

ном природном окружении Callaway Gardens или на красивейшей набережной Колумбуса, которая представляет собой 16 миль прогулочной зоны и исторических достопримечательностей.

В Программе кризисной интервенции большое место отводится разного рода разбирательствам в случае конфликтов духовенства со своей конгрегацией, а также проблем в личной жизни. Участие в ее работе рассматривается и как время, необходимое для того, чтобы священник мог разобраться в себе и духовно восстановиться, когда его душа ищет покоя (что-то вроде небольшой Субботы). В течение недели каждый из членов команды пастырских консультантов индивидуально встречается со священником, а в некоторых случаях – с его супругой или ее супругом. Три направления работы признаны нашей группой как наиболее тесно связанные с благополучием священнослужителей и плодотворностью их служения. Они основаны на трех категориях, определяющих важнейшие измерения нашей проблемы.

Сфера *личностного* включает в себя психэ (телесно-умственный организм и душа), а также сферу духа. Сюда входят доступные священнику духовные силы, его физическое и эмоциональное благополучие, а также личные и профессиональные ограничения, навыки отношений и осознание воздействия тех областей внутреннего мира, которыми обусловлена незавершенность роста и развития, приостановленного вследствие травмы и того, что происходило в родительской семье. Многие из священников не только пренебрегают возможностью иметь духовника или наставника, но и не прибегают к психотерапевтической помощи для лучшего понимания собственных проблем. В результате, «бревно в их собственном глазу», о котором Иисус настойчиво толковал, как о чем-то имеющем решающее значение в отношениях с другими людьми, остается, по большому счету, обнаруженным и неопознанным. Попытка предлагать свое попечение и наставничество другим, не получая этого для самого себя, должна быть признана чем-то, по меньшей мере, сомнительным, что может даже расцениваться как преступная небрежность, которая ставит и самого священника, и его прихожан под удар.

Внешние условия включают в себя не только некую модель (образец) служения, но и реальную окружающую обстановку, в которой живет и пребывает приход, – политические предпочтения, социально-экономические, половые и классовые привилегии, историю и строение сообщества. К ним относится также и малая икономия семейной жизни священника: благополучие его дома и качество отношений в семье признается решающим, хотя часто и недооцениваемым, фактором успешного служения.

Работа со *стилем лидерства* касается тонкого, порой едва уловимого равновесия между тем, чтобы отвечать законным человеческим нуждам, и, в то же время, не забывать о Божественных Энергиях Благодати. Задача, направленная на полную отдачу в служении другим, предполагает, насколько это возможно, чистоту от помех со стороны компульсивных бессознательных побуждений, корни которых уходят в неудовлетворенные потребности детства. Именно их действие часто ведет к проблемам «выгорания» и/или к профессиональным и этическим злоупотреблениям.

Методология

Главное содержание Программы антикризисной интервенции составляют 12 часов диалога с тремя разными пастырскими консультантами, посвященных оценке различных аспектов указанных выше проблемных областей, как они представлены в случае каждого конкретного человека и специфического контекста его жизни. Более чем десятилетний опыт работы с духовенством позволил нам выработать свой глубоко индивидуальный подход, способствующий доверительным отношениям и поддерживающий «Я-Ты» диалог (*Buber, 1958; Friedman, 2002, p.7-36*), который протекает в обстановке, дающей священнику временную свободу от возложенных на него требований, которые неразрывно связаны с ситуацией кризиса. Эти условия позволяют добиться значительных достижений в очень короткое время. Нередко набирающий обороты «маховик» психологического страдания если и не полностью останавливается, то, по крайней мере, идет на убыль, благодаря возрожденной надежде и вновь обретенному вдохновению, когда удается распутать узел, в котором тесно переплетены ощущение собственной ценности священника и его призвание к служению. Признавая мудрость высказывания св.апостола Павла, что «внутренний человек (the self) сокрыт со Христом в Боге», в противовес идее «self-made», утверждающей достижение ценности человеческой собственными силами каждого, один проницательный епископ задает каждому новому кандидату на священническое служение такой вопрос: «Идет ли в Вашем случае речь о стремлении выразить полноту через служение, или Вы пытаетесь отыскать полноту в служении?» (*Maeder, 1989, с.42*).

Здесь уместно вспомнить то определение призвания, которое предложил Фредерик Бюхнер, увидевший в нем пространство, где встречаются наше глубокое удовлетворение и охота к деятельности, с одной стороны, и потребность мира, с другой. Придерживаясь этого оп-

ределения, клиническая команда и производит, условно говоря, оценку трех указанных выше сфер, уделяя при этом самое тщательное внимание напряжению и конфликту, возникающему между утверждением собственной ценности (self-making) и служением Богу и общине, если таковое противоречие действительно обнаруживается. Причем каждый из членов команды подходит к этим трем сферам со своей специфической стороны. Первый специалист, встречаясь со священником, проводит первичный прием и обращается к психосоциальным аспектам проблемы, как системным, так и внутриспсихического уровня, в то время как второй специалист получает возможность сосредоточиться на диагностике духовного состояния священника и вопросах призвания в той мере, в какой оба этих аспекта связаны с состоянием претерпеваемого кризиса. Хотя на практике каждый из членов команды может в значительной степени заходить на «территорию» другого, однако, за десять лет не было ни одного случая, чтобы они всего лишь дублировали друг друга. Когда по ходу работы разных специалистов возникают сходные интуиции по поводу одного и того же материала, то такой параллельный диалог лишь усиливает в глазах консультируемого значение обнаруженных нюансов, открывая смысл того, что с ним происходит. Такое концентрированное внимание наряду с индивидуальным подходом, в атмосфере паломничества и более широком контексте христианской веры и присутствия Бога в самом процессе, является одним из первостепенных преимуществ этой недели, приводящих к значительным достижениям.

До того, как прибыть в Колумбус, священник заполняет несколько психологических опросников, которые затем будут использоваться в обследовании, где основное внимание уделяется стилю лидерства. В зависимости от ситуации типичный комплект опросников может меняться. Однако, как правило, он включает в себя три опросника: *Myers-Briggs Type Inventory* в сочетании с *Fundamental Interpersonal Relations Orientation-Behavior (FIRO-B)*, которые совместно позволяют получить Профиль Лидерства, а также *Campbell Interest Inventory*, используемый для оценки интересов личности и их соответствия задачам служения (во вторую очередь диагностируются возможности профессионального восстановления либо необходимость переподготовки для работы вне сферы пастырского служения). Третий член психотерапевтической команды дает профессиональную консультацию на основе данных, полученных с помощью опросников, и в течение всей недели делится результатами с другими участниками команды.

Теоретические модели

Автором были разработаны две эвристические модели, для того чтобы можно было представить в концептуальном виде различные параметры оценки и диалога. Эти модели могут использоваться, независимо от теоретической или богословской ориентации терапевта. В целом можно гарантировать, что с их помощью будет рассмотрен весь диапазон возможных затруднений, возникающих перед священником на его профессиональном поприще, включая и оценку степени, в которой оказались смешаны забота о собственном «я» и бескорыстная работа на благо служения. Такие параметры задают необходимые ориентиры, как для терапевтов, так и для священников, при выявлении соответствующих проблем и составлении плана их долгосрочного отслеживания.

Первая модель демонстрирует *развитие цикла выгорания* у священников (clergy burnout cycle) и обращается к пересечению областей психического и духовного, акцентируя различие между работой во имя собственного «я» и служением, приносящим плоды Духа. Эти две зоны чаще всего конфликтуют у священников, ищущих психотерапевтической помощи. Модель представляет собой четырехчленную эвристическую схему (Muse, 2000, p.109-128), обозначающую те источники напряжения, которые сопровождают служение на протяжении всей жизни. Выбор тех или иных ценностей переживается в каждой из зон: *призвание – временное пребывание; близость – изоляция; соприсутствие – власть, контроль; одухотворение – обмирщение*. Конфликт внутри этих антиномий помогает увидеть различие свободного и компульсивного путей функционирования в сфере служения. Путь *призвания* представляет собой движение аутентичного отклика, с осознанием правомерных человеческих слабостей и в то же время с опорой на веру и принятую в данной духовной традиции аскетическую дисциплину. *Пребывание*, напротив, есть путь, образно говоря, «волка в овечьей шкуре», который «посещает» служение, но, не ведая о своих бессознательных мотивах и тенденциях к функциональному атеизму, падает жертвой тех сил, что привлекают работу служения для утверждения и укрепления эго (схема 1).

Один очень талантливый и чуткий священник, увидев эту схему впервые, внимательно ее изучил, затем взглянул на меня и, одновременно и в шутку и всерьез, спросил: «Это Вы для меня сделали?» Подобные заявления мы слышали не от него одного. Через посредство этой схемы он видел всю свою жизнь, когда годами игнорировал собственные законные человеческие потребности в компульсивных попытках удовлетворить незаконные, образовавшиеся благодаря его психологическому за-

Цикл выгорания у священников

Схема 1

щитному панцирю. Его реальной задачей было аутентично присутствовать в каждом моменте своей жизни, идя на риск настоящей встречи – действительного столкновения с другими, – надеясь и веря при этом, что его истинное «я» вечно «сокрыто со Христом в Боге». Это «я» рождается в синергии с Божественным, оно не есть производное плоти или творение человеческой воли. С этой точки зрения, ни одно человеческое существо не может знать свое собственное «я» или «я» другого, которое навсегда остается тайной и таинством вне всяких названий и образов. Пытаясь защитить свой образ, он в действительности подверг себя огромной опасности со стороны могущественных зависимостей. Эти зависимости выглядят функционирующими как «защита» от тревоги и страхов, которые пробуждаются от сознания неукорененности в своем настоящем «я». Получается, что он фактически компрометирует свое служение, даже работая дольше, но постоянно двигаясь в замкнутом круге «само-оправдания». Здесь проявляет себя механизм, при котором компульсивная деятельность того или иного рода постепенно замещает собой настоящую, подлинную жизнь; данный процесс развивается по принципу обратной связи, в прямой пропорции к растущему ощущению собственной неаутентичности, что ставит священника, его

семью и его паству в крайне тяжелую ситуацию. Психологическое, эмоциональное, духовное страдание, причина которого заключается в позабытых, заброшенных, изолированных местах и людях в душе и, более широко, в сообществе, не подлежит отрицанию. Оно, в конце концов, выливается в различные тяжелые обстоятельства и беды, которые концентрируют на себе все внимание, часто с пагубными последствиями. Требуется как духовная проницательность, так и тщательная диагностика, чтобы найти скрытые корни этого страдания и тем самым сознательно направить себя в сторону исцеления и дальнейшего развития.

Путь христианского развития можно рассматривать как возрастающую способность обнять собой и принять в себя все целое, в особенности таких мнимых «врагов», как горе, жестокое разочарование и другие конфликтные чувства, те, которые мы обнесли высокой стеной как результат разделения внутри и снаружи и изолировали от всего остального. Плоды этой встречи между известным и неизвестным, тем, что находится «под контролем», и тем, что пока не познано и потенциально находится «вне контроля», по крайней мере с точки зрения сознающего «я», заключаются в том, что Бог врывается в нашу жизнь, подобно свежему ветру, именно там, где встречаются «Я» и «Другой». Это Евхаристия на пути в Эммаус – место, где сломленность и сокрушенность открываются, в конечном счете, как нечто спасительное. Уязвимость более ценна, чем безопасность, «незнание», в отличие от обладания ответом, предполагает открытие. Изумление, трепет, жалость и смирение гораздо больше способны преобразить человека, чем компульсивная потребность охранять свое «я» – семя, несущее зародыш райского блаженства, осуществляющее себя, лишь только если оно будет посажено в почву земной жизни и умрет, в смерти своей порождая чудо, о котором святой апостол Павел сказал, что «уже не я живу, но живет во мне Христос».

Вторая эвристическая схема, будучи средством оценки многочисленных *стрессовых факторов* в жизни духовенства, дает возможность целостно рассмотреть проблемы личности, охватывающие ее тело, душу и Дух, а также связанные с большими системами, в которые она включена, под углом зрения как психологической, так и духовной диагностики.

Квадрант I представляет собой область духовной диагностики – различения духов. Здесь рассматриваются вопросы, касающиеся того, что в Восточной Христианской традиции называется духовным заблуждением – «*прелестью*» (Palmer, Sherrard, Ware, 1997). Эта область имплицитно содержит в себе определенную духовную антропологию, которая рассматривает человека через призму Христа, как призванного к святости или,

Схема 2

как об этом говорит Православие, к *обожению*. С этой точки зрения на человека, все мы поражены неискупимыми человеческими страстями, развившимися в результате злоупотребления нашими экзистенциальными возможностями, вытекающими из свободы выбора. Здесь может быть самообман, связанный с тягой к прежним ошибкам, или, как в квадранте IV, дань провокации со стороны духовных сил, внешних по отношению к психэ, ведущая к идолопоклонству. Наше призвание ко Христу задает некий азимут всем этим страстям, двигаясь по которому они очищаются, искупаются и включаются в нашу первоначальную целостность. Этой работы с лихвой хватит на целую жизнь, и она не может быть совершена одними лишь человеческими усилиями. Также она не является эгоистичным процессом «индивидуации» одного отдельного «я», протекающим в стороне от страдания и жизни всего остального мира. Если священник

втягивается в замкнутый круг деятельности самосохранения, усиленной изоляцией и отсутствием постоянной исповеди и молитвы, то эти болезнетворные страсти наращивают свою силу, предлагая в качестве компенсации те или иные зависимости, которые разными своими измерениями попадают в каждый из четырех квадрантов.

Квадрант II – область внутриспихических проблем, в том смысле, как их признают многие психологические школы и направления, а также интериоризованных преобладающих культурных норм, таких как половые привилегии и культурный, расовый или экономический империализм. Клиницист может использовать разнообразные категории в целях клинической оценки и психологического диагноза, в то же время ни на минуту не забывая, что это, как и любые диагностические схемы, всего лишь способы описания, и их никогда не следует представлять как нечто вещественное, чтобы не заслонять тем самым таинство личности, которая «скрыта со Христом в Боге» и никогда не сводится ни к каким теоретическим категориям или формам культурного, полового и т.п. выражения.

В III квадранте мы имеем дело с переменными, относящимися к более широкому контексту – больших систем. Здесь мы имеем дело с теми системными силами, которые оказывают на человека неявное, фоновое действие и требуют опознания и определения, иначе человек превращается в жертву системы психического здоровья, где все внимание сосредоточивается на его индивидуальных патологических симптомах в отрыве от связи с более широкой средой, их порождающей. Например, представительницы женского пастората часто испытывают конфликт, связанный с преобладанием мужского пола среди старшего священства. Большинство конгрегаций склонно сопротивляться призыву женщин, занимающих должность старших пасторов, что делает понятным, почему женщины в гораздо большем количестве покидают служение, сравнительно с их соперниками-мужчинами (*Hoge, Wenger*, p.173-174). Эта проблема достаточно тонка, и ее значение часто остается недооцененным в этиологии депрессии или природе сомнений в истинности своего призвания.

Одна весьма одаренная женщина-пастор, занимающая в своем приходе одну из младших должностей, после десяти лет плодотворного служения начала вдруг испытывать эмоциональное истощение и недоверие к собственной интуиции. Она обнаружила, что некоторые из заслуживающих доверие коллег-женщин нашли способы возвыситься в среде, где доминируют мужчины, ценой своих отношений и своей солидарности с другими представительницами женского пастората. Существенная часть работы с ней была посвящена восстановлению чувства уверенности и

силы, присущих ее внутреннему переживанию себя. Значительное внимание было уделено и тому, чтобы она смогла внятно сформулировать проблему, как она ее видит, чему немало способствовала безопасная и дружеская обстановка консультации и поддержка, оказанная в том, что ее заботит. Диалог вернул ей чувство уверенности в своем призвании, выявил то, что ее тревожит, нашел этим тревогам место в истории ее жизни, щедро отмеченной моментами глубокого переживания присутствия Божия и призвания ко служению, которые многократно перевешивали огорчения, встреченные в одной определенной церкви (Neuger, 2001). Вместо того, чтобы согласиться с тем, что она не может более доверять своей внутренней интуиции, служившей для нее проводником Божественного призыва к служению в той сфере, которая составляла центральный смысл ее жизни, она обрела силы использовать свободу выбора – оставаться ли ей в творческом сопротивлении искушению в ее нынешней ситуации или же продвигаться вперед на новую должность.

Квадрант IV указывает на необходимость богословского исследования тех воздействий и провокаций, источники которых находятся за пределами индивидуальной психэ и даже за пределами различных больших систем, составляющих широкое социальное и политическое окружение. Это область «зла», которое самым тончайшим и коварнейшим образом действует через все квадранты и которое имеет свои онтологические источники за пределами человеческой воли (как, впрочем, и Божественные энергии благодати). Эти особенности зла, тем не менее, не должны служить оправданием, избавляющим нас от ответственности за собственный выбор («Дьявол заставил меня это сделать»), но нельзя и закрывать на них глаза, прибегая к психологической редукции. Например, нарастающая проблема среди священства – облегчение своего состояния с помощью алкоголя или сексуальной стимуляции с использованием порнографии в Интернете. Это явление имеет не только биологическую и психологическую этиологию, но и богословский смысл как дисгармоничный ответ личности на Божественные энергии любви. Этот смысл включает в себя грех и предполагает духовный обман силами зла, человеконенавистническая природа которых давно известна.

Все четыре квадранта, каждый по-своему, дают понять, что богословский анализ является частью поиска глубинного исцеления, постижением нового смысла своего страдания, и богословское измерение нельзя «сплющивать», втискивая его в психологическое. Например, священник, чья зависимость от алкоголя и наркотиков была рассмотрена в богословском контексте, смог увидеть, что его попытки подобными средствами

улучшить свое состояние связаны с отказом признать, что его настоящее «я» «сокрыто со Христом в Боге». Он всегда идентифицировал его с тем, что было воспитано в родительской семье, и оно изобиловало негативными само-атрибуциями. Он также не признавал, что в основе его пагубной зависимости находилась еще одна богословская установка – самому быть своим богом, предпочитая собственный приговор самому себе («Пока я небезупречен, я не достоин отношений с Богом») принятию дара Божественной любви. Подобную установку я отношу на счет того, что человек вкусил «пищи дьявола», в которой содержатся семена страха, человеко-ненавистничества, скрытые под покровом стремления к совершенству. Таким образом, то, что рассматривалось как всего лишь психологическое расстройство и/или последствие детской травмы, принимает вид многоуровневого «заболевания», что побуждает обратить на него все силы души в процессе нашего паломничества к возрождению веры в Бога и упования на Него. Перед одной из сессий я обнаружил этого человека спящим в приемной. Он плохо спал предыдущей ночью. Уходя по окончании сессии, он обернулся в дверях, улыбнулся и сказал: «Спасибо, что разбудили меня». На следующий день он подтвердил, что я правильно его понял – в его реплике содержался двойной смысл. Он говорил о новом понимании связи, существующей между психологическим и богословским измерениями в поиске его исцеления.

В свете изложенного очевидно, почему так критически важно для консультантов, работающих со священством, хорошо ориентироваться как в сфере классического различения духов, так и в сфере психологической и медицинской диагностики, чтобы выявить всю картину борьбы за сохранение верности своему призванию. Они должны быть способны привлечь богословскую оценку интрапсихических и системных сил, конституирующих среду, в которой протекает развитие личности священника. Подобно хорошим оптометристам, им важно использовать весь имеющийся набор линз, не забывая и о том, что диагноз всегда остается попыткой проникнуть, в контексте диалога, на неизведанную территорию «другого» с целью достигнуть ясности, которая возвращает консультируемому надежду и ощущение смысла.

В середине нашей диаграммы расположено место Экзистенциально-го Выбора и Поступка. Это та точка, где возникает и переживается «духовное усилие» (*Burton, 2003, p.437-446*), связанное с экзистенциальным вызовом встречи лицом к лицу с истинными данностями человеческого существования. Это есть сердцевина, с которой, как спицами в колесе, скреплены все четыре названные области, – место, где жизненный выбор и поступок обнаруживают истинное сокровище души, которое приносится

в жертву любви: «Пока семя не умрет...» (*Moran*, 2004, p.145-215). По этой причине я часто привожу пророческое изречение из Второзакония, в котором Господь говорит то, что кажется слишком очевидным: «...жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое...» (Втор. 30: 19). Выбор – одно из основополагающих условий, дающих нам возможность быть человеком. Человек всегда – между землей и небом и борется с силами и господствами и внутри, и снаружи, так что здесь возникают многочисленные вопросы. «Что именно человек выбирает в тот или иной момент?»... «На что он направляет свои действия?»... «Как он переживает Божественные Энергии и призывы Духа Святого, которые загоняют его в пустыню, как в случае Иисуса?»... «Как священник оценивает и понимает присутствие действия Божия в различных конфликтах и зонах напряжения, обнаруженных в каждой из рассмотренных сфер?»... «Насколько он приобщен к сокровищнице духовных ресурсов Церкви, таких как регулярная исповедь, непрестанная молитва, «собрание ума», «хранение сердца», стремление достичь состояния «трезвения», – ко всем этим первейшим средствам «терапии», к которым Церковь прибегала в течение двух тысячелетий?»... «Не стремится ли данный служитель культа «попасть на небеса путем предательства земли» или, наоборот, по неразумию, небрежению, в гневе или в отчаянии предается мирскому, не придавая значения зову духовного «свыше»?»... И та, и другая установка избегает важнейшего парадокса священства человека, который стоит во Христе и вместе со Христом там, где пересекаются два пути – земли и неба, материи и духа, времени и вечности, экзистенциального и онтологического. Соскальзывая в любую из этих сторон, он предает их обе.

Проходя у нас консультации, один священник выяснил, что он определенно не верит, что человек может быть воскрешен из мертвых. По ряду причин он был основательно загипнотизирован рационализмом современной науки и повторял, вслед за Бултманом (*Bultmann*): «Я не верю, что нечто, что не может случиться теперь, могло бы случиться потом». Исследуя его ценности и то, во что он действительно верит, мы выяснили, что хотя он и представлялся в качестве традиционного христианского пастыря, на самом же деле под видом христианства предлагал своим прихожанам «Евангелие от юнгианской психологии», и они упорно протестовали, конфликтовали и страдали из-за него. Встал вопрос: а честно ли это – проповедовать «индивидуацию» вместо обожения¹ и искупления,

¹ М.Бубер указывал: «Юнг пытается обожествлять людей, прежде, чем они освятились» (*Buber*, 1952).

которые тысячелетиями были христианской керигой, имея в своем основании телесное воскресение Иисуса Христа. Прояснив и признав для себя то, во что он действительно верит, человек этот, в конечном итоге, решил сменить свою специальность, выбрав ту, что более соответствует его вере.

Встречи на пути в Эммаус: исцеляющий диалог

Несмотря на проработку областей и использование когнитивных категорий, я придерживаюсь убеждения, что основная сила этой недели консультаций («Clergy in Crisis»), предусмотренной Программой антикризисной интервенции, – в продолжительных, развернутых диалогах. «Христос всегда стоит между мной и другим», – к этой мысли Бонхоффера (Bonhoeffer) я бы смел присоединиться, утверждая, что все подлинные встречи подразумевают триаду – Я, Другой и Бог. Священник приходит к нам в огромной нужде, часто с огромным страхом раскрытия и, в то же время, тоской по этому и дерзновением последней надежды человека, живущего в чудовищной изоляции. Во многих отношениях и, несмотря на множество слов, жизнь его часто представляет собой серию монологов, которые идут не от глубины души и не трогают сердце. Возможность припасть еще раз к роднику диалога почти всегда глубоко живительна. И обычно на второй или третий день происходит прорыв – человек решает довериться и открыться тому, чтобы быть самим собой. Здесь часто вновь возникает надежда, и, вместе с рождением обновленного чувства присутствия Божия и ответственности перед фундаментальной задачей служения, начинается освобождение от тесного пиджака функционального атеизма. Все духовное богатство двухтысячелетней истории христианства доступно человеку, когда он пробуждается к новому пониманию слов Христа: «Без меня не можете творить ничего». Именно тогда и в той степени, как он начинает принимать собственные человеческие ограничения, которыми обычно пренебрегал, Господь открывается для него новым и жизненно важным образом. Митрополит Антоний Сурожский облек эту мысль в одно выразительное замечание, которое он однажды сделал: «Бог может спасти грешников, которыми мы являемся, но не святых, которыми мы претендуем быть» (Bloom, 1970). Это имеет важнейшие смыслы и при врачевании брака и семейной жизни, которые также зависят от способности быть эмоционально уязвимым, открытым и аутентичным.

В конце недельного курса консультаций даются рекомендации к продолжению лечения по месту жительства каждого священника, включающие во многих случаях направление к пастырским консультантам, спе-

циально подготовленным для работы с духовенством. Для священников, у которых уже имеется свой консультант, эта неделя служит катализатором более углубленной работы. В других случаях, руководство деноминации или епископ, посылавшие священника к нам для участия в программе, получают письменное заключение, копия которого вручается самому священнику. Некоторые священники хотят поддерживать связь с консультантом из Пастырского Института для продолжения диалога. Встречаются и такие, кто по прошествии нескольких лет прибегает к еще одной неделе программы повторно. Сейчас ведется дискуссия по поводу расширения наших возможностей за счет введения лечебного массажа, консультаций по правильному питанию и других компонентов целостного подхода к здоровью. Кроме того, мы ищем пути получения данных, проясняющих, что именно в нашей программе является благотворным фактором и приводит к изменению человека, – и в особенности, как священники понимают и воплощают в жизнь требование самоотверженного служения ближнему в сочетании с нормальной заботой о самом себе и благополучии своей семьи. Этот конфликт – один из центральных парадоксов, встречающих каждого из нас на пути человеческого становления и развития. Ибо если само-реализация означает удовлетворение себя в нарциссическом смысле исполнения каждого своего желания, то она должна быть отклонена как не только нечто анти-христианское, но и анти-человеческое. Подобное удовлетворение есть пустое мечтание. Если самоотверженность означает отвержение или принесение в жертву истинного «я» и его коренных нужд, то и она должна быть отклонена как не только анти-человеческая, но и анти-христианская. Подобное отвержение приносило бы в жертву возможность любви. Но мы должны утверждать само-реализацию как исполнение коренных потребностей нашего истинного «я», а также само-отверженность как отклонение любого желания, стремления, интереса нашего «я», которое бы служило помехой реализации нашего истинного «я».

Само-трансценденция, объединяя в себе подлинную само-реализацию и истинное само-отвержение, воплощает собой фундаментальную динамику христианской духовной жизни. Посредством само-трансценденции «я» не приносится в жертву, а реализуется в том парадоксальном плане, что подлинная само-реализация происходит не в результате попытки исполнить свои желания, но в результате того, что человек перешагивает свои собственные пределы, стремясь принести благо другим (*Conn*, 1987, p.45).

ЛИТЕРАТУРА

- Bloom A.* Beginning To Pray. – New York: Paulist Press, 1970.
- Buber M.* I and Thou. – New York: Charles Scribners & Sons, 1958.
- Buber M.* The Eclipse of God; Studies in the Relation Between Religion and Philosophy. – New York: Harper Torchbooks, 1952.
- Burton R.* Spiritual Pain: A Brief Overview and an Initial Response within the Christian Tradition // Journal of Pastoral Care & Counseling, 2003, Vol. 57, N 4.
- Capariso J.* Burnout in Greek Orthodox Priests of the Southeastern States. – Walden University Ph.D. Dissertation. UMI International, 1999.
- Chase S.* Coping with Radical Evil in the Community of Faith (in S.Muse, (Ed.) Beside Still Waters: Resources for Shepherds in the Marketplace). – Georgia: Smyth & Helwys, 2000.
- Conn W.E.* Pastoral Counseling for Self-Transcendence: The Integration of Psychology and Theology // Pastoral Psychology, 1987, Vol. 36, N1.
- Darling C., Hill W.* Understanding Stress and Quality of Life for Clergy and Clergy Spouses: Summary of Quantitative Research Data. – Florida State University College of Human Science, Dept. of Family and Child Sciences: Tallahassee, Florida.
- Figley C.R.* Compassion Fatigue: Coping with Secondary Traumatic Stress Disorder in Those Who Treat the Traumatized. – New York: Brunner/Mazel, 1995.
- Foss M.E.* A Renewed Call to Discipleship // Changing Church Perspectives, 2000, Vol.34, N 4.
- Friedman M.* Martin Buber and Dialogical Psychotherapy // Journal of Humanistic Psychology, 2002, Vol. 42, N 4.
- Hoge D.R., Wenger J.E.* Pastors in Transition: Why Clergy Leave Local Church Ministry. – Michigan/UK: Eerdmans Publishing Co., 2005.
- Kaldor P., Bullpitt R.* Burnout in Church Leaders. – Australia: Openbook Publishers, 2001.
- Kraft U.* Burned Out // Scientific American Mind. – June/July, 2006.
- Maeder T.* Wounded Healers // The Atlantic Monthly, January, 1989.
- Moran J.* Spiritual War: The Relevance to Modern Therapy of the Ancient Eastern Orthodox Christian Path of Ascetical Practice, in S.Muse (Ed.) Raising Lazarus: Integral healing in Orthodox Christianity. – Brookline, MA: Holy Cross Orthodox Press, 2004.
- Muse S.* Keeping the Wellsprings of Ministry Clear // Journal of Pastoral Care, 2000, Vol. 54, N 3.
- Muse S., Chase E.* Healing the Wounded Healers: Soul Food For Clergy // Journal of Psychology and Christianity, 1993, Vol. 12, N2.
- Muse S.* Boundaries: The Hazards of VIPS (in Muse (Ed.) Beside Still Waters: Resources for Shepherds in the Marketplace). – Smyth & Helwys: Macon, Georgia, 2000.
- Neuger C.* Counseling Women. – Minneapolis: Fortress Press, 2001.

- Ornish D.* Dr. Dean Ornish's Program for Reversing Heart Disease. – New York: Random House, 1990.
- Palmer G.E.H., Sherrard P., Ware K.* (Eds). The Philokalia: The Complete Text. – London: Faber & Faber, 1997.
- Palmer P.* Let Your Life Speak: Listening to the Voice of Vocation. – California: Jossey-Bass, Inc., 2000.
- Rabey S.* Ministering to the ministers // Colorado Gazette Telegraph. – 1993, Section E1.
- Tomic W., Tomic D.M., Evers W.J.G.* A Question of Burnout Among Reformed Church Ministers in the Netherlands // Mental Health, Religion and Culture, 2004, Vol. 7.
- Van der Kolk, McFarlane, Weisaeth.* Traumatic Stress: The Effects of Overwhelming Experience on Mind, Body and Society. – New York: Guilford Press, 1996.